

Глава 6. Отклик

Жун Цзюань произнёс последние слова с расстановкой, неторопливо поднимаясь на ноги.

В тот момент, когда придворные сочли его безумцем, лишь Се Яньчжоу не выказал удивления. Жун Цзюань предупредил его за мгновение до того, как начать действовать.

«Я помогу генералу выйти из положения. Если всё получится, будете должны мне услугу. Как вам такое предложение?»

«Кто это говорит?» — Се Яньчжоу отчётливо слышал голос совсем рядом, но говорящего не видел. Тихий шёпот был предназначен лишь для них двоих.

Жун Цзюань снова погладил себя по животу. Всё было сказано без слов.

Чревовещание.

«...»

То ли доверяя Се Яньчжоу, то ли имея на уме что-то ещё, юноша поднялся, не дожидаясь ни ответа генерала, ни завершения приказа императора о казни слуг.

Он постарался скрыть свою обычную ленивую расслабленность.

— Ваше Величество, этот скромный слуга давно восхищается доблестью генерала и тоже приготовил для него дар.

Учитывая его положение — сына канцлера, заклятого врага Се Яньчжоу, — все тут же подумали, что это очередная затея Правого канцлера. Однако, судя по недовольному лицу самого сановника, Жун Чэнлинь был не в курсе.

Жун Цзюаню удалось заинтриговать всех, включая императора.

Раздражение государя от прерванной речи сменилось жгучим любопытством. Он решил сперва выслушать юношу, а уж потом выносить приговор.

Некоторые чиновники украдкой бросали взгляды на Се Яньчжоу, безмолвно спрашивая, следует ли действовать по первоначальному плану. Генерал лёгким движением руки велел им оставаться на местах.

Ему и самому было интересно, что задумал этот юнец.

— Этот скромный слуга слаб здоровьем и собрал немало редчайших сокровищ для исцеления. Среди них есть кровавый лотос, стоящий сотню золотых.

Чиновники, до этого с интересом наблюдавшие за представлением, при этих словах изменились в лице.

«Это ты их собрал? — пронеслось в их головах. — Это сокровища Правого канцлера!»

Слухи о том, что Жун Цзюань вывез из резиденции канцлера десятки повозок с ценностями, давно облетели всю столицу. Канцлер Жун занимал высокий пост, и число тех, кто пытался снискать его расположение дарами, было не счесть.

Взяточничество при дворе процветало, и сам император закрывал на это глаза. Но этот юнец, не иначе как повредившись умом, решил заявить о подобных богатствах во всеуслышание.

Неожиданно Жун Цзюань преобразился, и даже тон его голоса изменился.

Он шагнул вперёд, и лицо его выразило глубокую скорбь.

— ...Прежде я считал это само собой разумеющимся. Но когда я увидел, как один из сановников проливает слёзы из-за опустевшей казны, меня охватило горькое раскаяние. Как мог я предаваться такой расточительности?

Жун Цзюань глубоко вздохнул, словно приняв трудное решение.

— Посему я решил пожертвовать все эти мирские блага, все эти спасительные лекарства, воинам, раненым на полях сражений!

— Что толку тратить десять тысяч золотых на спасение одной жизни, когда можно спасти десять тысяч жизней!

С этими словами он, преисполненный великой любви к отечеству, повернулся к группе гражданских чиновников во главе с Жун Чэнлинем.

— Уважаемые господа, разве я не прав?

«Зачем ты повернулся к нам? Поворачивайся обратно!»

Сановников охватило дурное предчувствие, но возразить они не могли.

Никто не ответил. Жун Цзюань с улыбкой сделал приглашающий жест одному из чиновников в

первом ряду.

«Говорите»

— Судьба Поднебесной — забота каждого, — выдал из себя сановник. — Это проявление благородства.

Жун Цзюань обратился к другому, стоявшему рядом. Он вскинул руку.

«Теперь ваша очередь»

Тот, на кого указали, лишь сухо кивнул.

Убедившись, что почва подготовлена, Жун Цзюань воодушевлённо закончил:

— Когда страна богата, богат и народ. Когда же казна пуста, почему бы народу не помочь государству? Если каждый из нас поделится частицей своей любви, казна вновь наполнится до краёв!

Задать планку для пожертвований, прикрыть всё это высокими словами, а затем призвать к сбору средств — всё было исполнено безупречно.

Нахмуренные брови императора за несколько мгновений разгладились.

Спустя мгновение его гнев утих, словно приливная волна, и мысль о наказании Жун Цзюаня была отброшена в сторону.

На фоне мрачных лиц сановников император громко рассмеялся.

— Хорошо, хорошо, хорошо!

Он повторил это трижды, показывая, что действительно доволен.

— Похвально, что в столь юном возрасте ты мыслишь так здраво.

А как государю было не радоваться?

Мало того, что этот юноша сам жертвовал состоянием, так он ещё и других к этому призывал. Будучи главным выгодоприобретателем, правитель не мог этому не радоваться.

Коррупция при дворе в последние годы становилась всё более серьёзной проблемой. Чиновники жирели, и настала пора им поделиться с казной.

— На самом деле, все господа сановники разделяют эти благородные порывы, — скромно заметил Жун Цзюань. — Иначе они не сказали бы, что судьба Поднебесной — забота каждого. Я лишь озвучил то, что у всех на сердце.

Слова «забота каждого» он произнёс с особым нажимом.

— Пожалуй, ты прав, — кивнул император.

Чиновник, первым признавший ответственность, чувствовал себя так, словно его пронзали взгляды коллег. Но его уже вознесли на пьедестал.

Под благосклонным взором Вашего Величества ему ничего не оставалось, как сделать шаг вперёд.

— Ваше Величество, я готов пожертвовать всё своё жалованье за последние три года. В моём доме также имеются некоторые предметы антиквариата и живописи, которые я с радостью обменяю на деньги для казны.

Богатство было нажито нечестным путём, но Жун Цзюань задал высокую планку, и отделаться скромным пожертвованием было нельзя.

Пришлось иносказательно намекнуть:

«Я тоже пожертвую немало. Антиквариат стоит дорого, так что несколько тысяч золотых — это нормально, не думайте ничего дурного»

Начало было положено, и другие чиновники один за другим стали выходить вперёд.

Только Се Яньчжоу молчал.

Армейская казна пустовала. В некотором смысле, он был получателем этих пожертвований.

— Это так трогательно, — Жун Цзюань сделал вид, что утирает слёзы широким рукавом. — Генерал Се, вы тронуты?

Видя, как сановники, известные своей алчностью, скрепя сердце расстаются с деньгами, Се Яньчжоу позволил себе редкую улыбку и неожиданно подыграл:

— Весьма.

Гражданские и военные чиновники:

«...»

«Заткнулись бы вы оба»

Император, однако, не был из тех, кем можно было легкомысленно манипулировать. Решив одну важную проблему, он посмотрел на Жун Цзюаня сверху вниз и нарочито произнёс:

— Канцлер Жун прекрасно воспитал сына. В столь юном возрасте ты проявляешь такое милосердие. Я должен щедро тебя наградить. Есть ли у тебя какое-нибудь желание?

Казна была пуста, и любой здравомыслящий человек на его месте отказался бы от награды.

Но Жун Цзюань поступил иначе. Он поклонился.

— У этого скромного слуги действительно есть одна просьба.

— Редко встретишь такое великодушие... — император запнулся. — Что ты сказал?

— Как я уже говорил, что толку тратить десять тысяч золотых на одну жизнь, когда можно спасти десять тысяч. Пожертвовать своё достояние — мой долг. Я лишь надеюсь, что Ваше Величество, в знак признания заслуг моего отца в подавлении мятежа и борьбе с наводнением, дарует мне охранную грамоту.

В зале воцарилась тишина.

После резиденции отца Жун Цзюань решил «обобратить» и самого императора.

Охранная грамота. Её даровали лишь за величайшие заслуги.

Бывали, конечно, и исключения. Иногда её вручали, чтобы успокоить влиятельных сановников или привлечь на свою сторону их родню. В среднем, такую грамоту выдавали раз в десять лет.

Наложница, стоявшая рядом с императором, видя его нечитаемое выражение лица и слыша, как юноша внизу продолжает свою дерзкую речь, едва не лишилась чувств.

— Несколько дней назад, — медленно продолжал Жун Цзюань, — меня оговорили, и я оказался

в темнице, где едва не был осуждён. С тех пор я не знаю ни сна, ни покоя, опасаясь новых козней. Я подумал, что охранная грамота поможет отпугнуть недоброжелателей.

В общем, он продолжал набивать себе цену, заодно приписывая себе заслуги отца.

Каждое его слово было полной неожиданностью. Пока большинство чиновников всё ещё пребывали в оцепенении, самые проникательные из них начали понимать его замысел.

Великий наставник Су, всегда презиравший Жун Цзюаня, инстинктивно посмотрел на Великого инспектора, предполагая, что всё это его рук дело. Но, увидев в глазах того лишь лёгкое одобрение, понял, что никакого сговора не было.

«Неужели он сам всё это придумал?»

Эта мысль поразила наставника Су.

Ход был гениален. История с сыном Жунов давно не была секретом. Влиятельные сановники знали, что он отравлен редким ядом и долго не проживёт.

Говорили, Управление по надзору уже выяснило правду. Даже история с приставанием к девушке теперь вызывала сомнения. Сам Сюэ Жэнь, непревзойдённый лекарь, подтвердил, что наследник Жун... импотент.

Охранная грамота в этой династии распространялась только на самого владельца и его прямых потомков. Ни братья, ни сёстры, ни родители не могли ею воспользоваться. Со смертью сына Жунов милость императора стала бы недействительной.

Но не все знали, что дни его сочтены. Со стороны это выглядело как проявление безграничной щедрости государя, особенно для тех купцов, что стремились снискать расположение двора.

Можно было не сомневаться: как только новость разнесётся, они наперебой бросятся делать пожертвования.

Эта награда была императору как нельзя кстати!

«Жаль, что ему недолго осталось. С таким умом он был бы хорошей партией для нашего союза», — впервые наставник Су пожалел, что брак между их семьями не состоялся.

Император, очевидно, подумал о том же.

Увидев, что Жун Цзюань оказался куда сообразительнее, чем он предполагал, государь

искренне обрадовался, окончательно забыв о своей недавней досаде.

Ему не нужно было ничего давать на самом деле, да ещё и можно было сэкономить на награде для Правого канцлера.

Ведь юноша начал свою просьбу со слов: «надеюсь, что Ваше Величество, в знак признания заслуг моего отца...». Наградить сына означало наградить и отца.

Поэтому он не только удовлетворил его просьбу, но и проявил неслыханную щедрость:

— В этом году народ Бай Сюй преподнёс в дар редчайшую жемчужину, светящуюся в ночи. В знак признания твоего благородства я дарю её тебе. Помни, не позволяй жемчужине померкнуть и всегда храни в сердце стремление освещать путь другим.

Вынужденные раскошелиться сановники поднялись и в один голос воскликнули:

— Ваше Величество мудр!

Опустив головы, они скрипели зубами. У всех в душе кипела ярость.

«Освещать путь другим? Зачем дарить такую дорогую жемчужину? Подарил бы свечу!»

Получалось, что в чистом убытке остались только они.

Монарх и его подданные, прекрасно понимая друг друга, продолжили пир. Атмосфера в зале разрядилась.

Жун Цзюань чувствовал на себе взгляды многих, включая своего отца, который то и дело бросал на него косые взгляды.

Он игнорировал их, сосредоточившись на десерте.

Рука, потянувшаяся к ледяному лакомству, была мягко остановлена. С соседнего места донёсся холодный голос:

— Кто тебя надоумил?

Под пронзительным взглядом Се Яньчжоу любая ложь, казалось, рассыпалась бы в прах.

— Никто.

Чиновники уже обменивались тостами. Запах вина доносился и до Жун Цзюаня. Наблюдая за этой лицемерной придворной атмосферой, он неторопливо произнёс:

— Если на границах неспокойно, то и в государстве нет мира. Я бы хотел прожить ещё несколько спокойных лет.

Жун Цзюань и раньше хотел выяснить, насколько серьёзен внешний кризис.

Но он не ожидал, что у некоторых сановников возникнет мысль об уступке территорий, и они осмелятся открыто заявить об этом перед императором, а тот даже не станет их упрекать.

Пришлось рассматривать худший вариант: смена династии произойдёт не в результате переворота, а из-за прямого вторжения.

В эпоху, когда племенная принадлежность всё ещё имела значение, в случае вторжения иноземцев аристократов ждала участь хуже смерти.

Конечно, он должен был поддержать Се Яньчжоу, который был для страны всё равно что крепостная стена.

Будучи заинтересованным лицом, Жун Цзюань, подперев щеку рукой, улыбнулся:

— Я искренне желаю генералу и его воинам долгих лет жизни.

На уголках его губ застыла бобовая пудра, поза была, как всегда, небрежной, но улыбка сияла ослепительно.

Их взгляды встретились на несколько секунд, после чего Се Яньчжоу отвернулся.

После нескольких танцевальных и музыкальных номеров грандиозный пир наконец подошёл к концу. Высоко в небе висела луна. Слуги с фонарями освещали путь гостям.

У ворот дворца слуги повернули назад. Проходя мимо Жун Цзюаня, последний в процессии юный евнух низко поклонился.

— Господин, я вовек не забуду вашей милости.

Если бы юноша вовремя не прервал императора, сейчас от слуги остался бы лишь прах.

Евнух пробормотал ещё что-то о вечной благодарности, но Жун Цзюань не придавал этому значения. Голова у него кружилась, и он, казалось, ступал по вате.

Он выпил несколько чаш вина, и Система, будучи той ещё пьяницей, присоединилась к нему, затуманив сознание и восторженно вопя:

[Малыш Жун, с тобой так легко жить!]

[Хоть ты и бездельник, и спишь где попало, но всегда уходишь с добычей!]

Обменять вывезенное из резиденции канцлера на благосклонность Се Яньчжоу, охранную грамоту и светящуюся жемчужину — что могло быть выгоднее!

Всё равно те лекарства ему были не нужны. Он забрал их под предлогом приготовления снадобий, а продать их было невозможно.

Они жили в сыром месте, и без должного ухода все эти сокровища природы быстро бы испортились.

К тому же, он говорил, что пожертвует лекарства. О золоте и драгоценностях он не сказал ни слова, лишь призывал к этому других.

Жун Цзюань шёл нетвёрдой походкой и велел Системе замолчать.

Его выносливость была ограничена возможностями этого тела. От небольшого количества вина голова шла кругом, и сейчас ему хотелось лишь одного — поскорее вернуться, умыться и лечь спать.

Но в поле его зрения показался Жун Чэнлинь в окружении нескольких чиновников, направлявшийся к нему.

— Как же достали, — Жун Цзюань с досадой прикусил губу.

Три устоя и пять постоянь. Открыто перечить нельзя, а встреча сулила долгие и утомительные разговоры.

Рядом, у алых ворот дворца, Се Яньчжоу собирался сесть в карету. Увидев, как Жун Цзюань, с трудом поднимая веки, что-то бормочет себе под нос, он замедлил движение.

Сегодняшний пир, в конечном счёте, был выгоден армии.

В тот самый миг, когда Правый канцлер уже почти подошёл, чья-то большая рука опередила его. Мозолистая ладонь крепко, но уверенно схватила Жун Цзюаня за руку. Тот был легче своих сверстников, и его без труда втянули в карету.

— Ты... — едва не упав в незнакомые объятия, Жун Цзюань широко распахнул свои персиковые глаза.

Полог кареты опустился. Кучер, бывший военный, по знаку Се Яньчжоу быстро натянул поводья, и экипаж растворился в ночной тьме.

Жун Чэнлинь, опоздавший на шаг, смотрел вслед удаляющейся карете и холодно усмехался, отряхивая рукава.

Чиновники, не решаясь обсуждать его семейные дела, неловко стояли рядом.

В карете Жун Цзюань, прижимая к себе подаренную жемчужину, быстро оправился от первоначального удивления.

От резкого рывка голова закружилась ещё сильнее.

— В твоей карете так прохладно, не то что в моей, обитой мехом соболя... совсем, совсем не проветривается.

Сказав это, он склонил голову набок и заснул.

Се Яньчжоу молчал.

«Как можно так беззаботно спать? Не боится, что его выбросят на ходу?»

На длинной улице, помимо редких ударов ночного сторожа, слышен был лишь глухой стук колёс по брусчатке.

Свет жемчужины отражался на лице Жун Цзюаня, и его пьяное лицо, казалось, снова озарилось светом дворцовых фонарей.

Взгляд Се Яньчжоу слегка сместился. В его памяти всплыли слова юноши.

«Я искренне желаю генералу и его воинам долгих лет жизни»

Важность армии понимали все, но перед лицом выгоды предателей родины во все времена было предостаточно.

А этот, кого все считали негодяем, сначала тайно подсунул ему тонизирующее средство, а затем пожертвовал спасительные лекарства.

Се Яньчжоу пытался найти в этом какой-то скрытый умысел, но тщетно.

На сегодняшнем пиру этот юноша настроил против себя почти весь двор. Даже если бы Жун Чэнлинь сошёл с ума, он не решился бы на такой рискованный план.

У ворот поместья Жун Цзюаня разбудили.

Он, словно белый цветок на ветру, покачивался и пьяно бормотал:

— Генерал, перевези все мои сундуки с сокровищами к себе.

— Не нужно, — ровно ответил Се Яньчжоу.

Жун Цзюань сонно возразил:

— Так не пойдёт.

Он ведь лично обещал пожертвовать лекарства солдатам. Забыть об этом — значит обмануть императора.

Он тяжело опёрся рукой о широкое плечо генерала, снял пояс и щедро предложил:

— Не стесняйся, забирай.

Се Яньчжоу опустил взгляд на растрёпанного, бормочущего что-то невразумительное пьяницу.

— Твоя комната — это и моя комната.

[Вот это да! Нахал!]

Жун Цзюань лишь моргнул и тут же оправдал Се Яньчжоу, вспомнив, что сейчас живёт в его поместье.

— Ха-ха-ха... У генерала прекрасная память. А я совсем забыл.

«Просто поразительно!»

— ...

***

Жун Цзюань:

— Как же я устал.

Коу-Коу:

— Да что ты такого сделал, чтобы жаловаться?

Жун Цзюань:

— Языком чесал.

***

Жун Цзюань:

— Так это, оказывается, твой дом? Я живу здесь два дня и совсем забыл, а ты всё ещё помнишь.

Он поднял большой палец вверх:

— Сразу видно командующего, память — кремень!

Се Яньчжоу:

— ...За что именно ты меня сейчас хвалишь?

***

Се Яньчжоу:

— Почему этот бездельник, в чьей голове лишь смазливое личико, так добр ко мне?

Жун Цзюань:

— ...И чему ты там опять растрогался?

<http://bllate.org/book/15979/1441706>